

ИЗЪ СТИХОВЪ Д. М. АВСОНІЯ.

(310—394 г. по Р. Х. ¹⁾)

1.

Римъ.

Римъ золотой, обитель боговъ, межъ градами первый.

2.

Эхо художнику.

Тщетно, что ты стремишься лицо даровать мнѣ, художникъ?

Взорамъ безвѣстную, ты мнишь ли богиню заклѣсть?

Рѣчи и воздуха я дитя,—и матеръ пустого

Отзвука: голосъ есть, мысли же нѣтъ у меня.

Крайніе звуки рѣчей умирающихъ вновь возрождая,

Я, играя, свои шлю за чужими слова!

Въ вашихъ ушахъ я живу, повсюду входящее эхо,

Чтобы портретъ былъ похожъ, долженъ ты звукъ написать!

3.

О имени нѣкоего Люція, вырѣзанномъ на мраморѣ.

Буква одна блеститъ, отдѣленная парою точекъ:

Одинокая L имя даетъ угадать.

Дальше выбита M, да M, но не вся уцѣлѣла,

Камня упавшимъ кускомъ верхъ у нея поврежденъ.

¹⁾ О жизни и творествѣ Авсонія см. ниже, во 2 отдѣлѣ, статью переводчика этихъ стиховъ.

И, здѣсь кто погребенъ, Метелль, иль Марцій, иль Марій,
 Достоверно узнать не суждено никому.
 Спутаны всѣ элементы, лежатъ въ случайныхъ осколкахъ,
 Ничего не прочесть въ этихъ безсвязныхъ значкахъ.
 Смерти людей удивляться ль? и мраморный памятникъ гибнетъ,
 Смертный день для камней и для именъ настаетъ!

4.

**Эпитафія
 на могилѣ человека счастливаго.**

Прахъ мой виномъ окропи и масломъ пахучаго нарда,
 Путникъ, и пурпурныхъ розъ капли бальзамъ на него!
 Вѣчную мнѣ весну даруетъ слезъ чуждая урна:
 Я только жизнь измѣнилъ, но не покончилъ я жить!
 Радость жизни былой ни одна для меня не погибла,
 Вѣришь ли ты, что я все помню иль все позабылъ.

5.

**Лаиса,
 посвящающая зеркало Венерѣ.**

Зеркало я посвящаю Венерѣ, старуха Лаиса:
 Вѣчную службу нести вѣчной ты въ правѣ красѣ.
 Мнѣ же ты ни на что не нужно: ибо видѣть,
 Что я теперь,—не хочу, чѣмъ я была,—не могу.

6.

Къ своей женѣ.

Будемъ жить, какъ мы жили, жена! тѣхъ именъ не оставимъ,
 Что другъ для друга нашли въ первую брачную ночь!
 Да не настанетъ тотъ день, что насъ перемѣнитъ: пусть буду
 Юношей я для тебя, дѣвушкой будь для меня!
 Еслибы старше я былъ, чѣмъ Несторъ, и еслибъ Дейфобу
 Кумскую ты превзошла возрастомъ, что до того!
 Знать мы не будемъ, что значить преклонная старость! не
 лучше ль
 Вѣдая цѣну годамъ, счета годовъ не вести!

Памяти тетки Эмилиі Дріадіи.

Память твою я, тетка Дріадія,
 Нынѣ на жалобный ладъ,
 Сынъ сестры твоей, сынъ почти что твой,
 Благоговѣнно пою.
 Радости свадьбы, брачные факелы
 Смерть у тебя отняла.
 Ложемъ супружескимъ, ахъ! погребальныя
 Стали носилки тебѣ!
 Ты на мнѣ изучала, Дріадія,
 Мудрость, какъ матерью быть.
 Нынѣ, какъ сынъ, тебѣ пѣснею этою
 Горестный долгъ отдаю!

Памяти тетки Юліи Венеріи.

Жизнь ты быстро покинула, тетка Венерія,
 И тебя воспою въ пѣснѣ кратко размѣренной,
 Чтобы здѣсь, на землѣ, пепель твой мирно покоился,
 Чтобы легкой стопой въ тишь Эреба спустилась ты.

Къ Галлѣ, уже старѣющей дѣвушкѣ.

Я говорилъ тебѣ: „Галла, мы старимся! годы проходятъ.
 Чресла используй свои: дѣвственность старить скорѣй!“
 Ты не вняла, и подкралась шагами неслышными старость,
 Вотъ уже возвратить дней, что погибли, нельзя!
 Горько тебѣ, и клянeshь ты, зачѣмъ не пришли тѣ желанья
 Прежде къ тебѣ, иль зачѣмъ нѣтъ больше прежней красы!
 Все-жъ мнѣ объятъя раскрой и счастье, не взятое, даруй:
 Если не то, что хочу, то, что хотѣлъ, получу!

10.

Какой я хочу возлюбленной.

Той я хочу, кто не хочет; кто хочет, той не хочу я.
 Ищетъ побѣдъ надъ душой, не насыщенья любовь.
 Тѣ, кто доступны,—противны, а недоступныхъ,—забуду:
 Душу мою ни терзать, ни насыщать не хочу,
 Ни опоясанной дважды Діаны, ни голой Цитеры!
 Страсти нѣтъ у одной, слишкомъ ея у другой!
 Мнѣ бы понравилась та, кто лукаво мнѣ предлагая
 Скромную ласку, сама къ ласкамъ меня не звала.

11.

**Къ нимфамъ,
похитившимъ Гила.**

Пылайте, страстныя наяды,
 Любовью яростной и тщетной:
 Тотъ отрокъ—будетъ онъ цвѣткомъ!

12.

На прелестнаго мальчика.

Колебалась природа, мужчину создать или дѣву:
 Созданъ, прелестный, былъ ты—мальчикъ мой, дѣва почти!

13.

Рожденіе розъ.

Это было весной, и, ласково, колющимъ хладомъ
 Вѣялъ день, возвращенъ алой рукою зари.
 Вѣтеръ, свѣжій еще, предшествуя кóнямъ Авроры,
 Упредить призывалъ зноемъ пылающій день.
 Я бродилъ по дорожкамъ въ саду, черезъ всѣ перекрестки,
 Чтобъ усладиться вполнѣ ранняго утра порой.
 Видѣлъ я, какъ роса, замерзшая въ иней, висѣла
 Тамъ на никлой травѣ, здѣсь на стебляхъ овощей,
 Какъ на широкихъ кочнахъ играли округлыя капли,
 Отяжелѣвшія вновь вѣсомъ небесной воды.

Видѣлъ я, какъ смѣялись розы, Пестума дѣти,
 Орошены росой, съ утренней новой звѣздой;
 Какъ на росистыхъ кустарникахъ рѣдкіе перлы бѣлѣли,
 Осуждены на смерть, въ свѣтѣ всходящаго дня.
 Кто угадаетъ: Аврора румянецъ ли розъ похищаетъ,
 Или даетъ, и заря алостью красить цвѣты?
 Та же роса, тотъ же цвѣтъ, и утро то жъ у обѣихъ,
 У звѣзды и цвѣтовъ: мать ихъ, Венера, одна!
 Можетъ быть, сходенъ и ихъ ароматъ? но въ даляхъ воздушныхъ
 Свой развѣваетъ заря, ближній намъ легче вдыхать.
 Общая имъ,—цвѣтамъ и звѣздамъ,—богиня Киприда
 Повелѣла имѣть тотъ же пурпуровый плащъ!

Мигъ подходилъ, когда цвѣтовъ напухшія почки
 Быстро, одна за другой, были раскрыться должны.
 Та зеленѣетъ, покрыта листиковъ шапочкой тѣсной.
 Та черезъ тоненькій листь красный являетъ намекъ.
 Гордый та раскрываетъ верхъ своего обелиска,
 Освободивъ остріе алой своей головы.
 Съ темени та совлекаетъ сборки лишней одежды,
 Въ жаждѣ себя проявить сотней своихъ лепестковъ,
 И поспѣшаетъ раскрыть богатство смѣющейся чаши,
 Выставляя ряды алыхъ, сомкнутыхъ круговъ.
 Та, что горѣла огнемъ волосъ багряныхъ недавно,
 Блѣдная, вотъ обмерла, сонмъ лепестковъ обронивъ...

Я дивился, какъ быстро грабитъ бѣгущее время,
 Видя, какъ блекли цвѣты, еле успѣвши расцвѣсть.
 Вотъ, пока говорю, опали червленые кудри
 Пурпурной розы: земля краснымъ обрызгана вокругъ.
 Всѣ эти виды, и эти рожденья, и всѣ измѣненья,
 День ихъ единый явилъ, кончилъ единый ихъ день!
 Какъ мы жалѣемъ, Природа, что прелесть цвѣтовъ такъ мгновенна:
 Чуть ихъ взорамъ явивъ, ты похищаешь дары.
 День сколько длится единый,—жизнь столько длится для розы:
 Къ юности ранней ея краткая старость близка.
 Ту, чье рожденье встрѣчала только-что алая Эось,
 Вечеромъ возвратясь, видитъ старухой она.
 Но имъ назначено пусть погибнуть въ короткое время:
 Сами онѣ, уходя, родъ свой стремятся продлить!
 Дѣва! розы собирай, пока новы, пока молода ты:
 Помни, что возрастъ и твой столь же поспѣшно летитъ!